

СЕВСК КАК ЦЕНТР ПРИЕМА «НОВОВЫЕЗЖИХ» ЧЕРКАС В 1630–1640-е ГОДЫ

В. М. Брезгунова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2022 г.

Аннотация: рассматривается роль приграничного города Севска как центра приема переселенцев-черкас из Речи Посполитой. Важное значение имели севские воеводы, которые реализовывали первую часть разработанного российским правительством механизма приема – они встречали их в своем городе, опрашивали, подавали сведения в Москву, если это было возможно, то выдавали деньги на прокорм, а после получения царского указа направляли на новое место проживания в России. О размещении черкас на жительство в Севске и Севском уезде в 1630–1640-х гг. в найденных источниках не упоминается.

Ключевые слова: Севск, Севский уезд, миграционные процессы, черкасы, XVII век.

Abstract: the article is devoted to the role of the border town of Sevska as a center for receiving migrants-cherkassys from the Polish-Lithuanian Commonwealth. High importance were the Sevska voivodes, who realized the first part of the mechanism for receiving migrants developed by the Russian government – they met them in their city, questioned them, submitted information to Moscow, then gave money for supply, if possible, and, after receiving the tsar decree, sent them to a new place of residence in Russia. Information about the placement of cherkassys for residence in Sevska and Sevska Uyezd in the 1630–1640 is not mentioned in the found sources.

Key words: Sevska, Sevska Uyezd, migration processes, cherkassys, XVIIth century.

При переходе российской границы переселенцы из украинских земель Речи Посполитой, которые в российском делопроизводстве именовались термином «черкасы», на некоторое время задерживались в приграничных городах. Это было первым этапом длительного процесса приема и размещения «нововыезжих» черкас в России. Каждый случай перехода черкасами русско-польской границы и прибытия в Севск, найденный нами в опубликованных и архивных источниках, будет подвергаться тщательному анализу, так как очень интересно выявить не только общие тенденции, характерные для разных регионов, но и отдельные аспекты каждого случая. Одним из таких аспектов, например, является уточнение места, которое покинули черкасы, решившие переехать в Россию, а также их социального и семейного положения.

Технически сама процедура приема «нововыезжих» черкас была довольно проста и последовательна. Местные воеводы, в города которых приходили черкасы, отправляли в Москву запросы об их дальнейшем размещении и ждали ответа. Иногда эти запросы в столицу переселенцы доставляли самостоятельно как наиболее заинтересованные в исходе дела лица. Только после получения ответа черкасам давались провозные для перехода на новое место жительства. Сам этот процесс мог быть достаточно

продолжительным, и воеводы приграничных городов играли в нем существенную роль.

В первой половине XVII в., до присоединения к России Левобережной Украины, город Севск (в настоящее время Севск – административный центр Севского района Брянской области России) выполнял роль одного из важных пунктов на границе России и Речи Посполитой, куда с начала 1630-х гг. приезжают переселенцы-черкасы. При этом очень важно отметить, что западная граница Севского уезда длительное время не была определена четко и довольно продолжительное время – в 1634–1645 гг. – являлась камнем преткновения польской и русской администрации [1, с. 225]. Отдельно следует обратить внимание на то, что, в отличие от довольно большого количества работ по истории Юга России в XVII в. [2–4], история Севска и Севского уезда в этот период освещена недостаточно, например, приход черкас в Севск источниками ранее не был изучен.

Хронологически наиболее ранний случай прихода в Севск переселенцев из Речи Посполитой, который был нами найден в первом томе документов и материалов о воссоединении Украины с Россией, относится к 1631 г. [5, № 63, с. 109–111]. В съезжей избе воевода Семен Стрешнев принимал челобитную от приехавших в Севск Григория Рубчинского и Кузьмы Игнатьева. Рубчинский был черниговским сыном боярским, приехал с женой и детьми «ис порубежново литовского городка из Барзны». Ситуация Игнатьева же была совершенно иной, он возвращал-

ся на родину с сыном и дочерью. Воевода писал, что он «скозался корачевец, крестьянской сын, взят в полон как литовские люди Путевль выняли», что произошло предположительно в 1618 г. Рубчинский и Игнатъев встретились в пути и решили двигаться в Россию вместе, при этом их переселение сочетается в себе и переезд черкасской семьи вследствие политической нестабильности в Речи Посполитой, и возвращение на родину русской, конкретные причины при этом не называются. Интересно, что в описке об этих переселенцах воевода Стрешнев детально передает их рассказ о текущей ситуации и слухах в Речи Посполитой, в то время как описание имущества или половозрастной состав их семей отсутствуют. Это, безусловно, отражает фокус внимания царской администрации в этот период, к тому же воевода отпустил Рубчинского в Москву. Он должен был «побити челом» от лица переселенцев и получить распоряжение государя, в то время как жене и детям Рубчинского и Игнатъеву с детьми воевода после присяги велел жить в Севске «да государева указу».

Поток переселенцев, приходивших из Речи Посполитой в Россию, увеличивался, и активизация миграции украинцев в южные уезды России в конце 30-х гг. XVII в. объясняется не только внутривосточной обстановкой в Речи Посполитой, но и началом возведения Белгородской черты, потребовавшим увеличения численности военно-служилого сословия на границе России [6, с. 56]. В феврале 1638 г. севский воевода Никита Булгаков принимал в своем городе несколько пришедших друг за другом групп переселенцев, которые по многим параметрам кардинально отличались от предыдущей [5, № 113, с. 185–189]. Опубликованный документ, отражающий эти события, отличается большей по сравнению с другими полнотой, так как в нем приводятся подробные расспросные речи переселявшихся в Россию черкас.

8 февраля на государево имя «из литовские стороны» приехали в Севск черкасы Кузьма Васильев с сыном Данилом, Савва Тимофеев, Денис Кондратьев, Степан и Федор Мироновы, Марк Петров, Степан Яцков, Тихон Попов, Иван Федоров и Василий Кузьмин. Эти черкасы жили недалеко от Белой Церкви на хуторах на реке Рудок и были вынуждены бежать, бросив своих жен, детей и имущество, даже без лошадей. Главной причиной переселения стало наступление поляков, которые, как говорили товарищи Кузьмы Васильева, «везде де их, казаков, побивают, и церкви ломают, и крестьянскую веру хотят в ляцкую перевести» [там же, с. 185]. Таким образом, для всех черкас этой группы переселение было вынужденным бегством из Речи Посполитой, вызванным действиями польской армии и администрации. В то же время у каждого из переселенцев были свои особенные

обстоятельства, которые зафиксированы в источнике, как и некоторые факты их биографий.

Кузьма Васильев, приехавший в Севск со своим сыном, в Речи Посполитой состоял на королевской службе и, видимо, некоторое время входил в казачьи списки. Так, «он бывал многожды в Запорогах и на королевских на многих службах рядовым казаком», и «тогда де и жалованье ему королевское давано было с ево братьею с казаками в ряд на месяц по полтора рубли». За выполнение отдельных заданий Васильев получал в награду сукно, но состоял на службе не все время. Он хотел принять участие в выступлениях казаков против администрации, но по дороге был остановлен и ограблен поляками, после чего решил, бросив жену, бежать в Россию с двадцатилетним сыном.

Савва Тимофеев и Денис Кондратьев, как и Кузьма Васильев, также были казаками и получали жалование того же размера, но, в отличие от Васильева, они непосредственно участвовали в казацких восстаниях. Савва Тимофеев объяснил свой приход в Россию тем, что «пошел де он, Савка, на государево имя ныне з бою, как их поляки побили». Ту же причину приводит и Кондратьев, также они передают севскому воеводе слухи, «что после нынешнего козатцкого бою из черкасских городков многие черкасы пошли в Запороги и на Дон, а иные де пошли в Волоскую землю и в Крым, а сколько де куда пошло человек, про то де они подлинно не ведают». Эти сведения были достаточно ценны, так как внутренняя обстановка и миграции населения Речи Посполитой могли непосредственно влиять на принятие решений царской местной и центральной администрации. Переселенческое движение черкас в Россию стало особенно массовым после Смоленской войны 1632–1634 гг., и они рассматривались русскими властями как важный резерв, призванный пополнять людские ресурсы, так как они, как правило, обладали военным опытом борьбы с набегами татар, были единоверцами-православными [7, с. 8].

Черкасы Степан и Мирон Федоров были на королевской службе, получали жалование, но «на бою де они против поляков не бывали». Савва Тимофеев и Степан Федоров своих жен при бегстве из страны бросили, а Денис Кондратьев и Мирон Федоров женаты не были. Пять черкас-переселенцев из группы Кузьмы Васильева, приехавшие в Севск 8 февраля, – Марк Петров, Степан Яцков, Тихон Попов, Иван Федоров и Василий Кузьмин – на польской королевской службе не состояли, в боях против поляков не участвовали, «хаживали де они на службы и в походы с черкасы в товарищах». Женат из них был только Петров, который оставил жену в Речи Посполитой.

Следующая группа, расспросные речи которой приведены в документе, – это пришедшие 12 февра-

ля 1638 г. в Севск черкасы Алексей Васильев, Еким Ондросов, Илья Протасов и Иван Тимофеев. В Речи Посполитой они жили «за Белаю Церковью и в городе в Трилесах на посаде». Из четырех черкас этой группы состоял на королевской службе и получал ежемесячное жалование в полтора рубля только Васильев, но в боевых действиях против поляков не участвовал. У Екима Ондросова в казаках был сын, и поэтому «пошел де... на государево имя, покиня жену свою, боясь от поляков убойства», так как слышал, что поляки тех «побивают же, у которых дети были в казаках». Протасов и Тимофеев не состояли на службе, «а были де они казацкие товарищи», они и Васильев были холостыми. Таким образом, из этой группы в казацких выступлениях против поляков не участвовал никто, поэтому и новых сведений об обстановке в Речи Посполитой они воеводе в Севске сообщить не смогли.

Также 12 февраля 1638 г. в Севск пришла третья группа черкас, упоминаемая в документе, – «из литовские стороны» пришли Василий Трофимов, Лев Онтонов, Иван Ульянов и Богдан Филимонов. Они жили «в Животове не в служилых людех», в казаках были их дети, поэтому после их разгрома коронными войсками, «боясь убойства от поляков, покиня и жен своих», эти черкасы решили идти в Россию «на государево имя». В целом их ситуация полностью совпадает со случаем Екима Ондросова из второй группы упомянутых в документе черкас.

14 февраля 1638 г. в Севск пришли «из литовские стороны» черкасы Федор Иванов, Семен Рипинский, Тимофей Иванов и Иван Филимонов. Ранее они жили «позад Белой Церкви в Животовском уезде в деревне Тележинцах». Федор Иванов служил в казаках и ходил в походы против татар, но королевского жалования не получал, в казацких выступлениях не участвовал, но уехал в Россию, бросив свою жену. У Семена Рипинского в казаках был сын, поэтому он, бросив жену, уехал в Россию, «боясь от поляков убивства». Иванов и Филимонов оба были холостыми, на службе не состояли, были в казачьих товарищах.

15 февраля из Речи Посполитой в Севск пришли черкасы Никита Васильев и Адам Павлов. Васильев был холост, состоял на польской королевской службе и получал жалование «по полторы рубли на месец, коли на службах бывал». Павлов раньше жил в селе Кошелеве Гомельского уезда, «послужил де в черкасских городках у казаков в товарищах казацких» [5, № 113, с. 188]. 17 февраля в Севск пришла еще одна небольшая группа черкас – Кирилл Вытков, Марк Семенов, Ефим Онисков и Гавриил Дементьев. Они жили в уже упоминаемой в источнике деревне Тележинцы Животовского уезда. Вытков служил вместе с братом, который был убит, но жалования не получал, то же самое о себе рассказал и Онисков. Семенов и

Дементьев были вдовцами, их сыновья были «в казаках», в то время как они сами не служили.

Совсем другими, более подготовленными к переезду были две последующие пришедшие 19 и 21 февраля 1638 г. в Севск группы черкас. 19 февраля приехал черкас Яков Петров с женой Ульяной «Тимофеевою дочерью», он был из Нежина. С ними же приехали Василий Марков с женой Онюткой «Ивановою дочерью», Сидор Семенов с женой Овдотьей «Климовой дочерью» и тремя детьми – Данилом (8 лет), Марией (5 лет) и Оксиньей (1 год), а также вдовый казак Семен Гаврилов. Они были «из Голтовы городка». Все черкасы находились на королевской службе и получали жалование, «коль на службе бывали». 21 февраля в Севск также приехали черкасы с женами и семьями. Это Иван Семенов с женой Матреной и сыновьями Климом (9 лет), Григорием (6 лет), Зиновием (4 года), Григорий Кузьмин с женой Ографеной. С ними же приехали без жен черкасы Иван Павлов с сыном Федором и Данил Игнатов. Переселенцы приехали из разных мест – Семенов, Кузьмин и Павлов жили «возле Белой Церкви в уезде в селе Вонзине», состояли на королевской службе и получали жалование. Игнатов был «с Тульчина городка, служивал с казаки, жалованья не имывал, а пошел, покиня и жену свою, боясь от поляков убивства». В тот же день, 21 февраля 1638 г., в Севск приехали холостые черкасы Степан Михайлов «ис Корсуни» и Демьян Михайлов «ис Черкас», которые ранее состояли на службе и получали жалование.

По описаниям, которые содержатся в расспросных речах, зафиксированных севским воеводой в феврале 1638 г., можно сделать вывод о том, что пришедшие в Севск с 8 по 21 февраля черкасы были самого разного служилого положения – прежде всего, среди них были те, кто состоял на королевской службе, входил в списки казаков и получал жалование. Эта служба не была постоянной и зависела от конкретных задач, которые ставило польское правительство. Также были те черкасы, которые состояли «в товарищах казацких», они принимали участие в военных операциях, но жалование не получали. Кроме того, среди черкас-переселенцев были и простые сельские жители, родственники которых «были в казаках». Возраст переселенцев, как можно предположить при отсутствии точных сведений в источнике, также достаточно сильно варьировался – от молодых двадцатилетних (как сын Кузьмы Васильева Данил) холостых до достаточно зрелых мужчин, сыновья которых участвовали в казацких выступлениях. В Севск они пришли пешими, в большой спешке, «пометав» жен и имущество. Отдельно стоит отметить приезд в Россию черкас с женами и детьми, который явно был более подготовленным, но таких примеров в источнике приводится совсем немного. Главной причиной при-

хода этих групп черкас на территорию России становится страх перед возможными гонениями, которые могли устроить поляки всем тем, кто как-либо был связан с казацкими восстаниями и казаками.

Следующим документом, касающимся прихода черкас в Севск при переселении в Россию, является отписка севского воеводы Никиты Булгакова, датированная мартом 1638 г. [5, № 119, с. 199–201]. Это означает, что с предыдущим документом их разделяет не более месяца, именно в этот период Севск встретил целую волну переселенцев-черкас. 5 марта воевода принимал 7 холостых и 4 черкас с женами, о них сразу же была отправлена отписка в Москву, а переселенцам воевода Булгаков велел «побыть в Севску да... государева указу». В этой группе были холостые черкасы Антон Офонасьев, Никифор Демидов, Демьян Григорьев, Яков Яковлев, Мартын Матвеев, Сидор Иванов и Яков Иванов. С женами приехали Яков Павлов с женой Марией, Федор Лукьянов с женой Ориной, Ефим Филимонов с женой Ориной и годовалой дочерью Марией, Степан Иванов с женой Марией. Они приехали «из Миргородка от поляков, что поляки де их, черкас, побивают». При этом Булгаков не решался действовать согласно установленному распорядку, который предписывал давать деньги на пропитание таким «перехожим людям». В Севске не было свободных денег, поэтому воевода хотел дожидаться отдельного распоряжения из Москвы. Также он в отписке напоминает центральной администрации о тех переселенцах, которые приходили в Севск ранее, – 26 января в Севск «из литовские стороны» приехали холостые «запоросские черкасы» Никита Екимов с пятью товарищами. В это же время, в январе, «из новгородцкого уезду перешел пашенной мужик» с женой и детьми. Также в феврале 1638 г. в разные дни в Севск приехали 35 холостых черкас и 5 женатых, с ними 11 человек жен и детей, подробный состав которых был разобран в предыдущем документе от 22 февраля [там же, № 113, с. 185–189]. Как пишет воевода, до 9 марта ему никаких указаний об этих переселенцах так и не поступило. А. И. Папков в своей монографии упоминает, что севский воевода Петр Безобразов летом 1638 г. боялся пускать в город черкас, живших на посаде и уже присягнувших царю [8, с. 234]. Конечно, сложно сказать, были ли это именно уже перечисленные выше черкасы, но это представляется вполне возможным.

Всего же с января по 9 марта в Севске ждали «государева указу» 73 человека – 48 холостых черкас, 10 женатых и с ними 15 их жен и детей. Возникает закономерный вопрос о том, где именно дальше были размещены эти черкасы, но ответ на него требует дальнейшей достаточно кропотливой работы, так как географический диапазон возможных мест размещения этой группы черкас довольно широк. В этот же

период, на рубеже 1638–1639 гг., был построен Чугуев как первый опытный полигон для приема крупной партии украинских переселенцев «гетмана» Якова Острянина, «вышедших» в Россию после казацкого восстания 1637–1638 гг., но весной 1641 г. бежавших обратно в Польшу [9, с. 493]. При этом размещение группы черкас из Севска в Чугуеве совместно с черкасами Острянина все же представляется маловероятным, так как последние после казацкого восстания в Речи Посполитой пришли в Белгород и были достаточно многочисленны [10, с. 100], едва ли администрация посчитала бы это целесообразным. Наиболее вероятным представляется их размещение в каком-либо городе по Белгородской черте, что было достаточно распространенным примером [11, с. 260–265], но эта гипотеза требует подтверждения.

Отдельного внимания заслуживает интереснейший вопрос о географическом расположении мест, откуда в Севск приезжали черкасы, – многие из них ранее жили недалеко от Белой Церкви и в других местах как на левом, так и на правом берегу Днепра (рисунок). При этом в большинстве случаев источники весьма конкретны, и установить место, откуда пришли черкасы, достаточно легко, но есть и ссылки на то, что они «запоросские черкасы» или пришли из «новгородцкого уезду», что является весьма расплывчатой формулировкой, уточнить которую практически невозможно.

Итак, в документах, касающихся пришедших в Севск в 1631 и 1638 гг. черкас, упоминаются следующие населенные пункты (в скобках для конкретизации будет указано их современное название):

- Борзна (г. Борзна Нежинского района Черниговской области Украины);
- Белая Церковь (г. Белая Церковь, административный центр Белоцерковского района Киевской области Украины);
- Трилеса (с. Трилеса Фастовского района Киевской области Украины);
- Животов (с. Новоживотов Оратовского района Винницкой области Украины);
- Тележинцы (с. Тележинцы Белоцерковского района Киевской области Украины);
- Кошелево (д. Кошелево Буда-Кошелевского района Гомельской области Республики Беларусь);
- Нежин (г. Нежин, административный центр Нежинского района Черниговской области Украины);
- Голтова-городок (с. Говтва Козельщинского района Полтавской области Украины);
- Вонзино (предположительно, г. Узин Белоцерковского района Киевской области Украины);
- Тульчин (г. Тульчин, административный центр Тульчинского района Винницкой области Украины);
- Корсунь (г. Корсунь-Шевченковский Черкасского района Черкасской области Украины);

Условные обозначения:

□ – Севск – центр приема переселенцев-черкас

● – населенные пункты, в которых черкасы жили в Речи Посполитой

○ – другие города

----- границы государств

Рисунок. География проживания переселенцев-черкас до прибытия в Севск (составлена А. Н. Кобелевым)

– Черкасы (г. Черкассы, административный центр Черкасского района Черкасской области Украины);

– Миргородок (г. Миргород, административный центр Миргородского района Полтавской области Украины).

Севск как город на границе России и Речи Посполитой не только был одним из тех пунктов, куда приезжали переселенцы, но и центром сбора сведений

о текущей обстановке в Речи Посполитой, на границе, о настроениях среди населения соседнего государства. Именно поэтому севские воеводы тщательнейшим образом расспрашивали об этом переселенцев, фиксировали в документах и отправляли эти сведения в Москву. Информация далеко не всегда была достоверной, но, поступая в центр из разных мест, в конце концов позволяла царской администра-

ции составить общее представление о событиях в Речи Посполитой. Сохранился интереснейший документ – грамота севским воеводам из Разрядного приказа от 26 июня 1648 г. о необходимости постоянной бдительности, «чтоб татаровя к Севску безвесно не пришли», а также продуманного разведывательного поведения – «в литовскую сторону на черкас и татар однолично б еси посылок не посылали и задору с черкасы никакова не чинили» [12, № 23, с. 53].

Одним из вопросов, который довольно часто затрагивался воеводами при расспросах переселенцев черкас, было выяснение возможных намерений населения соседнего государства переселиться в Россию. В 1649 г. севские воеводы Замятня Леонтьев и Иван Кобыльской прислали в Москву отписку о намерении казаков в случае поражения в восстаниях приехать в Россию, о чем им рассказал приехавший в Севск «торговый человек» из Слуцка Ян Андреев [там же, № 54, с. 134–135]. Он передал сведения о том, «что меж поляков и казаков большие крови, а говорят де... запороские казаки меж собою: будет де их поляки осилеют, и они де... многие хотят идти на... государево цареву... имя». При этом казаки рассматривали вариант переселения из Речи Посполитой не только в Россию – если царь их не примет, то «думают идти в Крым и жить с татары заодно». Эта переданная Андреевым, записанная севскими воеводами и отправленная в Москву информация имеет большое значение, так как отражает всю неустойчивость положения казаков в Речи Посполитой, которые рассматривают вариант переселения не только в Россию, но и к татарам, в походы против которых они ходили много раз. Российское правительство в таких условиях было вынуждено постоянно реагировать и менять отдельные аспекты своей внутренней и внешней политики.

Примеры прихода в 1630-е гг. переселенцев черкас в Севск показывают его значимость как приграничного пункта, выполняющего среди прочих функции сбора информации, а также приема «нововыезжих» черкас. Севские воеводы реализовывали первую часть разработанного российским правительством механизма приема переселенцев из разных мест Речи Посполитой – они встречали их в своем городе, опрашивали, подавали сведения в Москву, если это было возможно, то выдавали деньги на прокорм, а после получения царского указа направляли на новое место проживания в России. О размещении черкас на жительство в Севске и Севском уезде в 1630–1640-х гг. в источниках не упоминается.

*Воронежский государственный университет
Брезгунова В. М., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политической истории
E-mail: bvm1792@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ракитин А. С.* Формирование гарнизона Севского острога в 20-е годы XVII века / А. С. Ракитин, В. В. Коровин // *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право.* – 2012. – № 1–2. – С. 225–229.
2. *Глазьев В. Н.* Города на Юге России в XVII веке : состав и численность населения / В. Н. Глазьев // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология.* – 2020. – № 2. – С. 80–85.
3. *Ляпин Д. А.* Поведенческие модели населения крепостей Юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов) / Д. А. Ляпин, Ю. А. Мизис // *Журнал фронтирных исследований.* – 2021. – Т. 6, № 3 (23). – С. 10–28.
4. *Мизис Ю. А.* Система комплектования служилых людей на Юге России в XVII в. / Ю. А. Мизис // *История : факты и символы.* – 2021. – № 1 (26). – С. 76–87.
5. *Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы : в 3 т. / под ред. П. П. Гудзенко и др.* – М., 1953. – Т. 1: 1620–1647 годы. – 585 с.
6. *Папков А. И.* Расселение украинцев на южной окраине России в конце XVI – первой половине XVII в. / А. И. Папков // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки.* – 2015. – № 10 (150). – С. 47–70.
7. *Глазьев В. Н.* Нити неразрываемые (переселение украинцев в российское Черноземье) / В. Н. Глазьев // *Истоки. Этнокультурные особенности Воронежского края.* – Воронеж : ГБУК ВО «Журнал “Подъем”», 2014. – С. 7–9.
8. *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века) / А. И. Папков. – Белгород : Константа, 2004. – 351 с.
9. *Петрухинцев Н. Н.* Военные и социальные структуры «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679–1680 г. / Н. Н. Петрухинцев // *Русь, Россия : Средневековье и Новое время.* – Вып. 6. – М. : Издательство Московского университета, 2019. – С. 491–495.
10. *Папков А. И.* Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России / А. И. Папков // *Белоруссия и Украина. История и культура : ежегодник, 2003/2004.* – М. : Наука, 2005. – С. 93–122.
11. *Брезгунова В. М.* Переселение черкас в Воронежский край и их служба в России в XVII веке : дис. ... канд. ист. наук / В. М. Брезгунова. – Воронеж, 2019. – 301 с.
12. *Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы : в 3 т. / под ред. П. П. Гудзенко и др.* – М., 1954. – Т. 2: 1648–1651 годы. – 560 с.

*Voronezh State University
Brezgunova V. M., Candidate of Historical Sciences,
Lecturer of the Political History Department
E-mail: bvm1792@mail.ru*